

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

**К 200-летию
со дня рождения
Б.А. Дорна**

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2005

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2(3)
осень — зима
2005

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

- А.И. Колесников, Н.Л. Лужецкая.* Выдающийся востоковед академик Б.А. Дорн 5
- О.В. Васильева, Л.А. Шилов.* Академик Б.А. Дорн — библиотекарь Императорской Публичной библиотеки 16

ПУБЛИКАЦИИ

- С.М. Прозоров.* «Верования арабов во времена ал-джахилии» аш-Шахрастани. *Комментированный перевод с арабского* 26
- В.А. Дроздов.* Фахр ад-Дйн 'Ирақй. 'Ушшяқ-наме (Книга влюбленных). *Предисловие, перевод с персидского и комментарии. Часть 1* 47
- И.С. Егоренков.* Парафраз Сима (Наг-Хаммади VII.1). *Введение, перевод с коптского и комментарии* 84

ИССЛЕДОВАНИЯ

- М.С. Пелевин.* Распространение ислама и развитие письменности у афганцев в XVI–XVII вв. 113
- З.А. Джандосова.* Обычай заступничества в Афганистане на рубеже XVIII–XIX вв. 125
- Н.Л. Лужецкая.* Материалы к истории разграничения на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд А.Е. Снесарева): «Отчет Генерального Штаба капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане» (1893 г.) 134

<i>А.И. Колесников.</i> Управление Хорасаном в IX–XII вв. (по сведениям мусульманских географов)	153
<i>Е.И. Васильева.</i> Курдское племя в источниках и литературе	172
<i>О.М. Чунакова.</i> Пехлевийский лапидарий	196
<i>А.Г. Грушевой.</i> Иосиф Флавий, Филон Александрийский и автор Деяний Апостолов о межэтнических конфликтах в Палестине I в. н.э.	205
<i>А.Б. Куделин.</i> «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы	223

РУКОПИСНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

<i>А.К. Козмоян.</i> Средневековые армянские переводы Корана в рукописях Матенадарана	235
---	-----

ЭЛЕКТРОННЫЕ БИБЛИОТЕКИ

На четвертой стороне обложки:

<i>С.М. Прозоров, М.Г. Романов.</i> Обзор электронных баз данных по исламу на арабском, персидском и английском языках. Выпуск I	240
--	-----

Из собрания СПбФ ИВ РАН (арабографичный фонд)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

1) «Ас-Самй фй-л-асами» («Превосходный в [определении] имен»). Арабо-персидский словарь.

<i>С.Л. Невелева.</i> XXV Зографские чтения: Проблемы интерпретации традиционного индийского текста. Санкт-Петербург, 24–26 мая 2004 г.	258
---	-----

Автор Абу-л-Фазл Ахмад б. Мухаммад ал-Майдани. Список 537/1143 г. (В 523, л. 110b–111a)

<i>Н.В. Козлова.</i> Конференция, посвященная 90-летию И.М. Дьяконова	264
---	-----

2) «Тухфат-и 'айн-и хайат» («Дар источника жизни»). Географическое сочинение. Автор не установлен. Список начала XVIII в. (В 839, л. 88b–89a)

РЕЦЕНЗИИ

<i>Н. Велиханова.</i> Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата	266
<i>А.Г. Грушевой.</i> A. Sivertsev. Private Households and Public Politics in 3rd–5th Century Jewish Palestine	270

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева
В.В. Волгина
Р.И. Котова
З.Г. Минеджян
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
В.И. Мартынюк
Л.Л. Михалевский
Э.Л. Эрман

XXV Зографские чтения:**Проблемы интерпретации
традиционного индийского текста
(Санкт-Петербург, 24–26 мая 2004 г.)**

25 лет тому назад в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) в Секторе Южной и Юго-Восточной Азии под руководством Г.А. Зографа (1928–1993) впервые было проведено расширенное, с приглашением ученых из родственных учреждений города, заседание, посвященное теоретическим проблемам интерпретации традиционного индийского текста. Г.А. Зограф, выдающийся ученый-лингвист, человек исключительной эрудиции и высочайшей культуры, сделал все возможное для объединения в рамках ежегодной научной конференции лучших представителей классической индологии. С течением времени в ее работе стали принимать участие и ведущие ученые из других городов России и зарубежья — Москвы, Калининграда, Вильнюса, Клайпеды; на одной из сессий с докладом выступил известный французский исследователь классической индийской философии Мишель Юлен. Юбилейное 25-е заседание Зографских чтений — так в память о ее основателе Г.А. Зографе называется теперь индологическая конференция — посетил и ранее оказывавший индологам честь своим присутствием на Чтениях Генеральный консул Индии в Санкт-Петербурге г-н Ашок Шарма.

Вместе с расширением географии Зографских чтений, с выходом их на международный уровень постепенно изменялся и возрастной состав участников заседаний. Привлеченные огромными знаниями и человеческим обаянием Г.А. Зографа, неизменного руководителя ставших регулярными ежегодных научных встреч индологов, на конференцию стали представлять свои подчас отличающиеся новаторским подходом и глубиной доклады совсем молодые исследователи, включая студентов и аспирантов петербургских и московских вузов.

К настоящему времени Зографские чтения под руководством д. филол. н. Я.В. Василькова превратились в ежегодный весенний форум индологов самых разных областей знания, таких, как мифология, религиоведение, философия, история, фольклор, литература, лингвистика, поэтика и т.д. Основой научных исследований участников Чтений был и остается традиционный текст (в широком его понимании), причем неизменно расширяется и тематический, и языковой спектр изучаемого материала. С самого начала в центре внимания ученых была индийская словесность, представленная ведийскими памятниками, санскритским эпосом, буддийскими сочинениями, соционормативным трактатом «Артхашастра», классической драмой, тамильской литературой. Теперь же в орбиту интересов индологов, участников Чтений, вошли, помимо того, философские тексты индуизма, научные сочинения на санскрите, эпиграфика, новоиндийская литература, современный фольклор и произведения изобразительного искусства в их связи с вербальными текстами. При полном разнообразии специализации индологов, принимающих ныне участие в Чтениях, исследовате-

лей самого разного профиля — филологов, историков, этнографов, философов, искусствоведов и т.д. — объединяет глубокое понимание значимости филологического аспекта изучаемого материала, составляющего важную сторону культурного наследия Индии, которое получило ярчайшее отражение в разного рода явлениях словесности на многочисленных языках субконтинента: самых древних, таких, как ведийский и санскрит, среднеиндийских — пали, пракриты, брадж, авадхи и новых — хинди, бенгали, тамильский и телугу.

По давно сложившейся традиции Чтения 2004 г. открыла крупнейший ведолог профессор Т.Я. Елизаренкова (ИВ РАН, Москва), выступившая с докладом «Еще раз о слове *атман* в Ригведе». *Атман* — одно из важнейших религиозно-философских понятий, утвердившееся в Упанишадах как высший принцип индивидуальности, противопологаемый Брахману, верховному началу мироздания. Автору доклада, поставившему своей целью синхронное описание употребления этого слова в древнейшем памятнике индийской словесности, удалось проследить самые начала долгого пути развития его семантики, как она представлена в поздних частях памятника. Ведийская тематика была продолжена в докладе «Замечания по формальной стороне Рикпратишакхьи» ученика Т.Я. Елизаренковой Витиса Видунаса, главы Центра востоковедения Вильнюсского университета. С неподдельным интересом был встречен доклад «Эротика в Ригведе» ученого из Клайпеды Алеты Хомиченкене, возглавляющей Центр индологических исследований. По мнению автора, в ригведийских описаниях ритуалов выжимания *сомы*, возжигания огня, в космогонических мифах, в словесной иконографии таких богов, как Индра, Агни, Ушас, Родаси, Синивали, просматриваются эротические мотивы. Особое место в докладе уделялось изображению в Ригведе женщины — матери, возлюбленной, вдовы. В соответствии с поставленной задачей — установить, каким образом компенсируется слабо выраженный в ведийском пантеоне женский аспект, — сделан вывод о том, что женское начало восполняется использованием в описании ритуалов ряда существительных женского рода.

В докладе М.Ф. Альбедиль (ИЭА им. Петра Великого, Санкт-Петербург) «Сюжет о Трите: этноисторическая основа» предложена интерпретация сюжета о Трите, «третьем», младшем брате, брошенном двумя старшими братьями в колодец и получившем затем чудесное спасение. Эта интерпретация учитывает особенности архаических социально-правовых норм, когда родство было по своему характеру не биологическим, а социальным, выражаясь в терминологическом маркировании не индивидов, а одновозрастных групп обоего пола (классификационная терминология социального родства). Существовал переходный период, когда связи между кровными родственниками еще регулировались в соответствии с принципом групповых и возрастных норм. Особыми правами — военного вождя, хранителя какого-то важного культа и т.п. — наделялись три брата, реализовавшие их. Таким образом, на определенном этапе развития архаического общества конкретные коллективы выделяли из себя особую замкнутую часть, самовоспроизводившуюся по норме трехступенчатых колен кровных родственников, и внутренние связи этой обособившейся группы менялись уже по своим законам. Жрецам в целях узурпации прав на избрание живого бога пришлось разрушить эту систему: сначала из нее был изъят третий брат — и это нарушило возрастной автоматизм, — а потом и второй. Канва подобных внешних событий и могла послужить формообразующим фактором для сюжета о трех братьях; потом миф был трансформирован в соответствующий эпический сюжет и обрел долгую жизнь в индийской литературе.

В докладе «Лексика эпизода и его значение» С.Л. Невелева (СПбФ ИВ РАН) на основе наблюдений над стилем завершающих (с 15-й по 18-ю) книг древнеиндийского эпоса Махабхараты, повествующих о конце «биографии» ее главных героев, обосно-

вала тезис о расслоении семантики эпической метафоры, которая обозначает переход индивида от одного состояния — бытия на земле — к другой его форме — пребыванию на небесах. Можно говорить о системном характере такого расслоения. Мифологическая метафора, оперирующая «образами пути», а также теми, которые связаны с персонификацией смерти (боги Яма, Мритью), тяготеет, условно говоря, к сюжетной героике, типологически первичному «слою» эпического содержания. Тогда как религиозно-философская метафорика («оставить тело», «соединиться с *Атманом*» как высшим началом Вселенной, «распасться на пять первоэлементов», «расстаться с *пранами*», т.е. жизненными дыханиями) тяготеет к дидактическому содержательному пласту, который, конечно же, лишь искусственно может быть отделен от героики в единстве текста Махабхараты. В докладе «Актуальные проблемы изучения Бхагавадгиты (к преодолению некоторых исследовательских стереотипов)» Я.В. Васильков (СПбФ ИВ РАН, ныне — ИЭА им. Петра Великого, Санкт-Петербург) представил дополнительные аргументы в пользу ранее сформулированной им концепции развития текста ключевого памятника раннего индуизма. Докладчик привел ряд примеров из текста Гиты, свидетельствующих, что все центральные, специфические ее идеи («йога действия», теизм) основываются на концепциях санкхья-йоги. Основным же объектом полемики в Гите является независимая санкхья, которая в этот момент уже вышла из первоначального единства санкхья-йоги, предложив свой собственный, «знаниевый» (гностический) путь к освобождению. Предложенная концепция, по словам докладчика, более надежно вписывается в общую закономерность развития индийских религиозно-философских систем, которая может быть сформулирована таким образом: их источником всегда (и в индуизме, и в буддизме) является некое недифференцированное знание, вынесенное основателями из йогического опыта и как бы содержащее в себе в виде неких «семян» возможности последующего развития. Как полагает докладчик, исследователям Гиты необходимо преодолеть ряд укоренившихся стереотипов, в числе которых: представление о мировоззрении Гиты как о результате *синтеза* предшествующих философских традиций (санкхья, йога, веданта, буддизм); вытекающий отсюда гиперанализм в подходе к тексту Гиты; представление о том, что Гита в той или иной мере — памятник веданты; тенденция лишать бхакти-йогу и карма-йогу статуса йоги как таковой («психотехники») или рассматривать их как ущербную, «смешанную» йогу и т.д.

В докладе М.И. Петровой (СПбФ ИВ РАН) «Представления о времени и царская власть в древнеиндийском эпосе Махабхарата» высказано основанное на рассмотрении эпического текста предположение о том, что все случаи употребления слова *кала*, а также словосочетаний, в которые оно входит, можно условно разделить на две группы. В первой речь идет о Времени как о Высшем Владыке — Парамешваре, которому как высшему божеству часто приписывается тройная космогоническая функция: оно создает миры, поддерживает их существование, и оно же уничтожает мироздание. К другой группе относятся случаи, когда слово *кала* обозначает конкретное время, которое может быть благоприятным или же неблагоприятным для совершения определенного действия. Существует, однако, некая точка в которой эти разные аспекты времени соединяются, и такой «точкой» является фигура царя, стоящая в центре эпического повествования. С одной стороны, именно на царя возложена ответственность за выбор «правильного времени» для конкретных действий; с другой же стороны, царь может явиться и воплощением всемогущего Времени. Ю.Г. Кокова (СПбГУ) в докладе «*Мокша* в Бхагавата-пуране», отталкиваясь от общего положения о том, что достижение *мокши*, т.е. освобождения от кармически обусловленного пребывания в сансаре, является главной целью всех религиозно-философских учений Древней Индии, показала неоднородность путей достижения этой цели и понимания самой ситуации освобождения. По утверждению автора, Бхагавата-пурана содержит

многочисленные сюжеты, связанные с описанием преданных учеников и последователей Кришны, которые прекратили свое сансарное существование. Анализ этих сюжетов показывает, что в *пуране* отсутствует единая концепция *мокши* и обнаруживается тенденция к совмещению представлений адвайты и теологической санхьи с кришнаитским *бхакти*.

Доклад А.А. Игнатьева (Калининград) был посвящен совершенно не исследованному тексту XII–XIII вв. — «Девигита» («Песнь Богини») из Девибхагавата-пураны, который наряду с «Девимахатмьей» представляет собой важнейший памятник шактизма, направления в индуизме, основанного на культе женских божеств. Эпико-пураническая традиция насчитывает более двух десятков произведений жанра *гита*, т.е. «Песнь», которые, как правило, представляют собой откровение, истину, раскрываемую божеством (или его воплощением) ученику-адепту или же несколькими адептами (нередко также божественным по своей природе). «Девигита» — поздний текст такого типа, первой же в этом ряду, как наиболее известная, являющаяся образцом для последующих сочинений, стоит Бхагавадгита («Песнь Господа») из Махабхараты, поэтому автор счел небезынтересным провести сопоставительный анализ памятников с целью выявления некоторых черт данного жанра.

Чрезвычайно богатый тонкими наблюдениями доклад Ю.М. Алихановой (ИСАА при МГУ) «Психология акта самопожертвования в изображении драматургов VII века» был посвящен жертвенным подвигам, совершенным героями двух классических санскритских драм — «Счастье нагов» Харши и «Перстень и ракшаса» Вишакхадатты. В обеих драмах действия героев сопровождаются анализом их внутреннего состояния, эмоций и стоящих за их поступками побудительных мотивов, что дает возможность сделать определенные выводы относительно средневековых индийских представлений о психологии жертвенного акта и жертвенности вообще. Доклад М.А. Русанова (РГГУ, Ин-т восточных культур и античности, Москва) «Литературные реминисценции в „Гаудавахо“ Вакпатираджи» содержал обстоятельный анализ вопросов происхождения автора (провинция Канаудж), которое во многом обусловило его эстетические пристрастия, а также сложной для древней и классической Индии проблемы датировки текста, которую докладчик решает путем привлечения средневековой кашмирской хроники «Раджатарангини», поскольку сама по себе поэма мало что дает в этом отношении. В силу безусловной актуальности темы широкую и плодотворную дискуссию вызвал доклад Д.Н. Лелюхина (ИВ РАН, Москва) «Проблема интерпретации специальной санскритской терминологии: термин *адхьякша* в индийской традиции». Докладчик исходит из совершенно справедливого постулата насчет содержания известнейшего индийского трактата — «Артхашастры» Каутильи, который описывает образец государства, идеальное устройство социума, никогда не существовавшего в истории, хотя такое описание, естественно, не может не учитывать отдельные реалии. Скрупулезный анализ употребления термина *адхьякша* в различных источниках, от Вед до позднего средневековья, приводит автора доклада к основательно подтвержденному исследованным материалом выводу об отсутствии у термина *адхьякша* особого «бюрократического» значения: основные его толкования — «глава», «правитель», «руководитель», «надзиратель» оказываются приемлемыми не только для «Артхашастры», но и для разного рода текстов. С.С. Тавастшерна (СПбГУ) в докладе «О синонимах речи в словаре Нигханту» высказал точку зрения, согласно которой современные толкования системы построения ведийского словаря Нигханту, текст которого крайне сложен для понимания, сталкиваются с трудностями именно из-за термина «синоним», прилагаемого к списку, составляющим статьи словаря. Метод рассмотрения этих «списков», демонстрируемый средневековым комментатором Девараджей (приблизительно XIV в.), позволяет по-новому увидеть структуру, а главное, функцию данного словаря.

В докладе С.В. Пахомова (СПбГУ) «Проблема классификации индуистских тантрических школ» был поставлен ряд общих вопросов, относящихся к понятию «школы» в индийской культуре, которое охватывает многочисленные духовные традиции Индии. Тантризм, согласно утверждению докладчика, выступает как некий универсальный символ, который способствует установлению того, что объединяет различные направления неведийских по своей сути движений, школ, теорий и практик на совершенно иных, нежели ведийские, основаниях. Преодолеть известную аморфность тантризма, нечеткость его составляющих, по мнению автора доклада, можно исключительно путем иерархического расположения признаков отдельных «школ», выделяя идеологему *шакти* в качестве центра любой концепции или практического функционирования той или иной «школы». Формальным же признаком отнесения «школы» к тантризму может считаться почитание и использование специфических текстов — тантр. Оживленным обсуждением завершился доклад В.Г. Эрмана (СПбГУ) «О жанре *вьяйога* в санскритской теории драмы». В докладе рассматривались возможности освещения ранних стадий становления драматического жанра в древнеиндийской литературе, не оставивших после себя текстов пьес, исключительно на материале санскритских трактатов по теории драмы («Натьяшастры» и «Дашарупы»), в разделах, посвященных описанию десяти традиционных типов (*рупака*) драмы. Выделяя из *рупак*, относимых к типам «резкого» (*авиддха*) представления, тип *вьяйоги*, автор доклада усматривает в нем отражение перехода от мистериальной драмы к более развитым формам «мягкого» (*сукумара*) представления и свидетельствует о определенной принадлежности *вьяйоги* к литературной драме. Название доклада В.Г. Лысенко (ИФ РАН, Москва) исчерпывающе характеризует его тему: «Лингвофилософские аргументы Шанкары против вайшешики». В докладе рассматривается критика Шанкарой учения вайшешики о категориях во второй книге «Брахма-сутра-бхашьи». Шанкара пытается убедить своих читателей, что все, что вайшешики считали отдельными сущностями (категориями), в конечном итоге сводится к высочайшему Абсолюту — Брахману, поскольку, с точки зрения индийского философа, Брахман — это единая и единственная причина всех вещей.

В докладе А.М. Дубянского (ИСАА при МГУ) «О взаимоотношении религиозных конфессий в средневековом Тамилнаде» было рассказано о соперничестве между индуистами, джайнами и буддистами на юге Индии в VII–VIII вв. Материалом для исследования послужили гимны шиваитского поэта Самбандара. Докладчик привел выразительные примеры того, что Самбандар не слишком интересовался доктринальными разногласиями между конфессиями, обрушиваясь в основном на внешнюю сторону поведения джайнов и буддистов. Тамильские легенды сохранили, однако, сведения о диспуте Самбандара с джайнами, в результате которого многие из них были казнены. Но в настоящее время исследователи сомневаются в достоверности этого. В докладе Н.В. Гурова (СПбГУ) «Миф об Агастье в средневековых текстах телугу» были приведены данные, свидетельствующие о том, что в основе сказания о мудреце Агастье — как в его «северной версии», наиболее полно изложенной в III книге Махабхараты, так и в «южной», содержащейся в Сканда-пуране и некоторых южноиндийских текстах, — лежит архаический миф о «культурном герое» (Творце, Преобразователе пространства, Поглотителе зла), характерный для «охотничьих» и скотоводческих традиций неолитического типа. Наиболее близкие аналогии прослеживаются в мифологических представлениях племен Центральной и Южной Индии. В докладе М.Б. Загорюлько (ИСАА при МГУ) «О „священной географии“ в творчестве Тирунянасамбандара (шиваитский поэтический комплекс „Деварам“)» представлены результаты исследования автором доклада специфических черт дравидской религиозной культуры, которые находят свое отражение в поэзии тамильских бхактов-наянаров и выражаются в подчеркивании тесной связи божества с опреде-

ленной местностью (*зенолокотеизм*, термин А.М. Пятигорского), причем существует два типа такой связи: первый основан на древнетамильской модели «царь — его владения», а второй — на идее пантеизма. В докладе Т.А. Дубянской (ИСАА при МГУ) «Сюжет „Повести о Насикете“ Садала Мишры в контексте развития прозы хинди» шла речь об одном из первых прозаических произведений, созданных на хинди в самом начале XIX в. Хотя «Повесть» не является оригинальным произведением (по словам самого ее автора, это переложение санскритского текста, возможно, поздней *пураны*), ее значение для начального этапа развития прозы хинди (периода Форт-Вильям колледжа) чрезвычайно велико. Впервые на современном языке был изложен отдельный, богатый событиями сюжет — о царевне Чандравати, невинно претерпевшей изгнание, бросившей ребенка, но в конце концов обретшей и сына, и мужа. «Повесть о Насикете» можно считать произведением, потенциально содержащим романские черты. Это косвенно подтверждается тем, что уже в XX в. аналогичный сюжет (не исключено, что частично заимствованный из «Повести о Насикете») был использован Джайшанкармом Прасадом в его знаменитом романе «Труп» (1928).

Сообщение Е.К. Бросалиной и А.Л. Сладкова (оба — СПбГУ) на тему «Перевод Г.С. Лебедевым поэмы Бхарат Чондро Рая „Биддешундор“ (по рукописи, хранящейся в РГИА)» содержало общую характеристику впервые переведенного с бенгали на русский язык текста основной части поэмы знаменитого поэта XVIII в., где излагается история любви принцессы Видьи и царственного поэта Сундара. Рукопись включает подстрочный перевод общим объемом 80 двойных листов (формат А-3), основной текст в бенгальской графике, его русскую транскрипцию и «рабочий» комментарий к переводу, весьма разнообразный по своему содержанию: от вариантов перевода отдельных слов и понятий до сведений культурно-исторического, географического, историко-литературного, этнографического и филологического характера. Обе части этого труда первого российского индолога Г.С. Лебедева представляют собой уникальный материал для исследователей истории литературного процесса в Индии.

Ярким завершением юбилейных Зографских чтений 2004 г. явился доклад С.И. Рыжаковой (ИЭА РАН, Москва) «Богини и деревья желаний в индуизме Центральных Гималаев», в котором автор представил оригинальный по своей методике анализ мифологем «древа желаний» и «богини, исполняющей желания», осуществленный на материале индийской культуры, с широким привлечением этнографических реалий. Автор широко использовала собственные полевые данные, собранные в Гархвале (Уттар-Анчал), что, безусловно, сообщило докладу особую притягательность.